

Майтрейн Карнур

Сильвия

INSPIRIA

Москва
2024

УДК 821.111-31(540)
ББК 84(5Инд)-44
К24

Maithreyi Karnoor
SYLVIA

Copyright © Maithreyi Karnoor, 2023
Originally published in The UK by Neem Tree Press Limited, 2023
All rights reserved including the rights of reproduction in whole or
in part in any form Published by arrangement with The Van Lear
Agency LLC via Randle Editorial & Literary Consultancy

В коллаже на обложке использованы иллюстрации:
© LUMEZIA.com, Feaspb, Katika / Shutterstock.com;
Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации:
© DR-studio, ArtoPhotoDesigno Studio / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Перевод с английского *Анны Рахманько*

Карнур, Майтрейи.

К24 Сильвия / Майтрейи Карнур ; [перевод с английского-
го А. Рахманько]. — Москва : Эксмо, 2024. — 192 с.

ISBN 978-5-04-200759-0

Каджетан Перейра, родившийся в Гоа, но проживший всю жизнь за его пределами — сначала в Танзании, потом в Великобритании, возвращается на землю своих предков, чтобы наконец обрести дом. Он снимает бунгало рядом с одним из самых редких и мистических деревьев — баобабом, которое напоминает ему о лучшем времени — детстве, проведенном в Танзании. Совершенно случайно о его местонахождении узнает его племянница, о существовании которой он даже не подозревал, и приезжает к нему. Казалось бы, семья воссоединилась, однако это всего лишь одно из событий в колеснице историй, собранных в романе.

«Сильвия» — это изящно сотканный гобелен, рассказывающий о надежде, потерях, психическом здоровье и любви, а также о том, какой неизгладимый след мы оставляем в жизни друг друга.

УДК 821.111-31(540)
ББК 84(5Инд)-44

ISBN 978-5-04-200759-0

© Рахманько А., перевод на русский язык,
2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

От автора

В основе истории Сантоша и Бхагирати лежит сказание из древнеиндийского эпоса «Махабхарата», в частности повествование о царе Шантану и Ганге, воплощении реки Ганг.

Если пересказать кратко: царь Шантану влюбляется в небожительницу, духа реки Ганг, та соглашается выйти за него замуж, но только при одном условии — он никогда не будет спрашивать о том, что она делает. Шантану соглашается. У них один за другим рождаются восемь детей. Семерых из них сразу после рождения Ганга топит в реке. Она делает это ради их избавления от страданий человеческой жизни на земле: дети перерождаются на небе. Царь недоволен этим, но связан обещанием не задавать никаких вопросов. Когда он видит, как жена пытается утопить их восьмого сына Бхишму, его терпение лопается, и он останавливает ее. Тем самым он нарушает свое обещание, и Ганга возвращается на небо, оставив ему сына. Мальчик растет сильным и умным. Шантану воспитывает его в одиночку, но, когда ребенок становится достаточно взрослым, чтобы заботиться о самом себе, царь влюбляется в дочь рыбака. Ее зовут Сатъявати, она очень красива, но от нее несет протухшей рыбой. В ответ на ее преданность один мудрец избавляет ее от зловония — и Сатъявати

благоухает, как цветок. Шантану просит ее руки, но девушка беспокоится, что, если она станет второй женой царя, у которого есть наследник, ее дети не смогут претендовать на трон. Тогда Бхишма играет роль свата для своего отца и дает обет, что никогда не женится и не заведет потомства, чтобы дети Сатъявати могли править царством.

В романе Бхагирати из-за своего психического заболевания иногда живет в параллельном мире, в котором считает себя духом реки Ганги из «Махабхараты»: неслучайно она любит плавание и так переживает из-за загрязнения воды. Со временем ситуация ухудшается, и, родив Бассама, она пытается утопить его, считая себя небесным существом, которое должно спасти сына от земной жизни. Никто не понимает, почему она это делает. В результате она погибает. В конце концов, когда Мина (которая раньше была Решмой, потеряла семью и теперь зарабатывает на жизнь продажей рыбы) появляется в жизни Сантоша, его сын Бассам играет роль свата. От нее воняет, но запах исчезает, стоит ей хорошенько помыться. Всю жизнь она мечтала о собственном доме — символе безопасности и комфорта. Бассам обещает ей, что все это у нее будет с его отцом, тем самым возвращая к жизни параллельную вселенную своей покойной матери и исполняя свое призвание.

Часть I

БХАУБААБ

«Додда хунасемара¹, тамаринд огромный Саванура,
Сквозь океаны оказался на полуострове новом,
Оковы вековые связали его с землей здешней.
Существо это — баобаб — смеялось в лицо сказаниям
о жизни,
Ввысь взмывая с жаждой, жадно
Когтями из засушливого неба вырывая влагу
вспоминаний
О доме; ствол бухнет от влажной тоски
О прошлом, когда время измерялось царями
И землі еще не коснулись карты.

Если в новом языке не находят слова для чего-то, то его одалживают у других, так чтобы походило. Так одалживают пижаму гостю, который пришел на ужин и остался ночевать. Значит, вечер и разговоры затянулись на дольше, чем было запланировано. Не подходящая по размеру одежда — признак счастливого времени. Когда тысяча восемьсот лет назад баобабы прибыли из далекой Африки на засушливые равнины Декана, пустили корни в засоленной почве Саванура

¹ Значения слов, выделенных курсивом, можно найти в словаре в конце книги. — *Здесь и далее примеч. пер.*

и выросли деревьями, которым не было имени в языке кáннада¹, их просто называли большими тамариновыми деревьями. Эти живые существа застыли на месте в эпоху перемен, оказались вне пределов человеческой памяти, и уже никто не мог вспомнить, откуда они тут взялись. И им стали поклоняться — а значит, приняли и защитили».

Сильвия прочитала вслух слова, которые набрала на ноутбуке. Она бросила работу, чтобы путешествовать и писать о местах и людях. Она была уверена, что сможет пристроить историю о таинственных баобабах в деревне в центральной части штата Карнатака в международный литературный журнал о путешествиях. Это была достойная история.

* * *

Вообще-то его звали не Бхаубааб. Вообще-то его зовут Каджетан Перейра. Он без каких-либо усилий вписался в жизнь маленькой деревушки на юге Гоа, когда приехал туда некоторое время назад. Несмотря на то что его имя, цвет кожи, религия и даже статус экспата были признаками глубокой принадлежности к Гоа, в нем было что-то, что не совсем соответствовало этой уникальной, кажущейся цельной, но очень разноплановой идентичности.

И дело даже не в том, что он не говорил на конкани², как и многие другие экспаты. Но, в отличие от эмигрантов, которые всегда стремятся посе-

¹ Родной язык представителей народа каннара и официальный язык индийского штата Карнатака.

² Официальный язык штата Гоа.

литься в родной деревне, Каджетан не был отсюда или даже из этого района. На самом деле его дед по имени Матеус Перейра покинул Гоа в направлении Африки из Бардеза — поселка, расположенного на севере штата. У Каджетана не было старого дома с высокими потолками и перламутровыми окнами, который стоял под замком и весь в зарослях, чтобы отворить его скрипящую дверь и претендовать на владение им в этой южногоанской деревне. Его желание купить дом и осесть здесь без всякой видимой на это причины насторожило жителей, и они не бросились встречать его с распростертыми объятиями, как это было принято. Кроме того, он был неразговорчив, и его застенчивость приняли за замкнутость. Для общительного жителя гоанской деревни это служило поводом, чтобы насторожиться. Тем не менее Каджетан был гоанцем, а значит, братом — *бхау* — и уважаемым старшим — *бааб*. Так он и стал Бхаубаабом.

Приехав, он сразу же нанял агента по недвижимости для поиска дома, и тот подобрал несколько новых зданий с современным оборудованием, учитывая удобство и практичность. Все они находились недалеко от центра деревни с ее четырехсотлетней церковью, почтовым отделением, гораздо менее древним, несколькими продуктовыми и винными магазинами, лавкой сладостей марвари¹, залом собраний, где регулярно проводились представления *театра*, и рынком с бетонной крышей, где продавали рыбу, овощи,

¹ Марвари — очень предприимчивый народ, среди его представителей много торговцев.

говядину и гоанские колбаски. Но Бхаубааб не раздумывая отверг эти варианты. Он обошел всю округу, расспрашивая встречных, где находится большое дерево. Далеко не многие понимали, о чем идет речь, но кто-то узнал фотографию баобаба с разросшимся стволом и мохнатым овальным плодом, похожим на миниатюрный джекфрут с ворсистой кожурой, и провел его через болотистые рисовые поля к небольшой каменистой возвышенности, где стояло это самое дерево. Вокруг него была возведена защитная изгородь. Бхаубааб застыл перед деревом в полной тишине. Хотя на его лице не было и тени какой-либо эмоции, по продолжительности его взгляда можно было предположить, что он нашел свой дом. «Есть ли поблизости какие-нибудь постройки?» — спросил он. Ему ответили, что на той стороне, под горкой, стоит дом, пустующий уже несколько десятилетий, а значит нуждающийся в капитальном ремонте, прежде чем туда заселяться. Агент не понимал, как клиент мог им заинтересоваться, но Бхаубааб похаживая по веранде этого дома, убедился, что с нее виден баобаб, и настоял на аренде.

Законного владельца дома пришлось разыскивать, поскольку человек, построивший его, давно умер, не оставив наследников. Единственным наследником был внук его брата, который большую часть жизни прожил в Навелиме, потерял свою пекарню из-за пристрастия к алкоголю и в конце концов перебрался к морю, где имел лачугу на заброшенном участке пляжа в Варке. Когда к нему пришел агент по недвижимости, он уставился стеклянным взглядом на вол-

ны поверх стакана с *фени* и лимки¹ и думал о том времени, когда он мог бы уплыть работать поваром в эти самые воды, как это сделало большинство его друзей; но он слишком любил свой футбол, чтобы отказаться от суши ради океана и успеха. И с этого момента успех начал ускользать от него. Ему пришлось отказаться от своей мечты стать профессиональным футболистом, когда внезапно умер его отец: он устроился *подером*, чтобы содержать мать и четырех сестер. Пекарня, на покупку которой он в конце концов накопил деньги, просуществовала в его владении недолго, так как у него быстро пропало желание управлять ею и он начал топить свои печали в стакане *фени*. Он был застигнут врасплох, когда ему сообщили, что у него есть собственность в родной деревне. Но он достаточно быстро пришел в себя, чтобы назвать нелепо высокую цену и прогнать агента.

Когда новость дошла до его жены в Пуне, она взяла два дня отгула на работе, купила последний билет на ночной рейс автобуса «Кадамба» и приехала посмотреть на дом, который вдруг оказался во владении ее супруга. Она уговорила его согласиться на половину того, что он запросил изначально: «Даже это щедрая сумма. Не забывай, что мы вообще не подозревали об этих деньгах». Наконец-то она сможет бросить работу в кол-центре и вернуться домой к детям. «Из-за ночных смен нарушается мой цикл, и, видит бог, мои силы скоро иссякнут, если я буду продолжать в том же духе». На эти деньги они могли бы отремонтировать свой дом и размещать у себя на время сезона

¹ В Индии газированный напиток с лаймом.

иностранцев. Он даже сможет купить машину и развозить туристов на такси. Завершив сделку, она села на ближайший рейс «Кадамбы», чтобы отработать полагающийся месяц. Если уволиться сразу, то придется заплатить штраф в размере месячной зарплаты международной корпорации, на которую она работала, чтобы получить документы об освобождении от должности.

Бхаубааб купил дом и приступил к ремонту. Это было далеко не одно из тех просторных бунгало, которые принадлежат знатым семьям и о которых пишут ностальгические статьи в журналах, архитектурных изданиях или даже в туристических брошюрах, рассчитанных на богатых путешественников, а то бунгало, содержание которого превращается в финансовый кошмар. Оно принадлежало *судуру*, человеку со скромным достатком, который попытался возвести крышу над головой так, как это было принято делать в то время: он построил обычный гоанский дом. Тогда недвижимости еще не придавали большого значения и ее размеры не ограничивали. В самом деле большинство домов, которые принадлежали даже самым бедным семьям предыдущих поколений в Гоа, жителям города казались просторными: настолько они привыкли к клаустрофобным помещениям.

В изначальной планировке дома Бхаубааба были всего две большие комнаты с высокими потолками и длинная веранда под покатой крышей. По бокам веранды стояли каменные *соро*, обращенные друг к другу, и две-три ступеньки спускались с нее на землю. Кухня, очевидно, располагалась в специальном помещении в задней части дома, а ванная и туалет, должно

быть, были отдельно стоящими. Позднее предыдущий владелец, вероятно, перестроил здание в соответствии с более современными предпочтениями, разломав кухню и туалет и добавив еще две комнаты-коробки прямо за существующими, а также узкую кухню и современную ванную, соединенные, как вагоны поезда. Изначально крыша представляла собой прямоугольную пирамиду, а в новых пристройках она была сделана покатой с двух сторон и продлена до старой крыши, чтобы не осталось непокрытых пространств. По нынешним меркам такая постройка уже устарела, и Бхаубаабу пришлось заплатить сантехнику, чтобы тот установил унитаз, умывальник и душ в помещении, которое когда-то служило ванной. В одной из старых комнат он даже установил еще одну небольшую ванную со всей необходимой сантехникой и превратил эту комнату в спальню. Кухня должна была находиться в крытом пространстве, чтобы припасы не стали кормом для крыс. Длинный стол в одной из новых комнат, в которой, очевидно, обедали, нуждался в полировке, а одна из ножек — в нескольких гвоздях, чтобы сохранять вертикальное положение. Но самое главное — требовалось заменить большую часть кровельных плиток. Те, что не потрепались, заросли сорняками и были покрыты листьями и мхом, из-за которых вода не стекала, а просачивалась внутрь. К счастью, до муссонов еще было несколько месяцев, и вещи Бхаубааба не пострадали от протечек.

Бхаубааб заказал грузовик мангалорской черепицы, и вскоре крыша из темной, серо-черной от сухой плесени превратилась в ровную ржаво-красную,

отчего дом стал напоминать морщинистого старика в новой яркой шляпе. Наружные стены, грязно-белые, когда-то, видимо, были желтыми. Бхаубааб решил восстановить этот оттенок и выкрасил их в ярко-желтый цвет с белой каймой вокруг больших окон и на колоннах. Внутренние стены побелил известковой краской. И дом внезапно засиял, как прелестный цветок бамии в редких лучах солнца, пробивающихся сквозь тучи в непроглядный муссон. В углу гостиной расположился ветхий треугольный домашний алтарь, на котором находились распятие, статуэтки Богородицы с поднятой в благословении рукой и нескольких святых, которых он не мог опознать. Он перестал молиться задолго до того, как в моду вошло выражение «духовный, но не религиозный», но из эстетических соображений заменил разбитое стекло алтаря.

Колодец на заднем дворе был полным, но воду из него посоветовали не пить. Этот колодец был единственным источником воды для всей деревни, и когда-то давно она была чистой и безопасной для употребления, но в последние годы у нее появился странный запах. И хотя он был совсем слабым, люди связывали его появление с постоянно увеличивающейся в размерах свалкой неподалеку от деревни. Пресловутая зловонная гора настораживала жителей, и они опасались, что отходы просачиваются в землю и смешиваются с грунтовыми водами. Поэтому они перестали пить воду из своих колодцев, хотя их пакеты с мусором тоже оказывались в той же горе. Они считали, что колодезная вода вполне подходит для купания и сада. Но для питья они набирали воду из крана. Дом Бхаубааба на протяжении многих лет

оставался без водоснабжения, поскольку в нем перестали жить еще тогда, когда колодезная вода считалась пригодной для питья. Он обратился в *панчянт* с официальной просьбой, но ему ответили, что прокладка труб займет слишком много времени. Высокие сорняки, растущие в колодце, — некоторые из них подходили на небольшие деревья — были убраны, и внутри установлен электрический насос, чтобы набирать воду для бытовых нужд.

Пока дом Бхаубааба приводили в порядок, многие любопытные жители деревни заходили посмотреть на него и познакомиться с его новым таинственным хозяином. Среди них был Лакшми (сокращенно от Лакшминараян Шетти) — застенчивый молодой человек двадцати лет с внешностью кинозвезды. Он жил ближе всех к Бхаубаабу. Задний двор его дома был виден с участка Бхаубааба сквозь пол-акра густых зарослей, которые наверняка кишели змеями. Чтобы добраться до дома Бхаубааба, юноше нужно было обогнуть этот участок и пройти более длинным путем. Пока шел ремонт, Лакшми брал с собой небольшие бутылочки с питьевой водой для соседа и даже предложил привозить ему двадцатилитровые канистры на своем скутере до тех пор, пока его не подключат к городскому водоснабжению.

Жители деревни, решив, что в замкнутости Бхаубааба виновато его западное воспитание, пытались с помощью добродушной болтовни облегчить его возвращение домой. Несмотря на то что он был очень вежлив, их старания утомляли его, и он проникся симпатией к Лакшми, почти такому же молчаливому, как и он сам.